

Проблемы психологического восприятия пространства и времени в историческом процессе

К.В. Миньяр-Белоручев МГУ имени М.В. Ломоносова. Москва, Россия

Поступила 15 мая 2015/ Принята к публикации: 2 июня 2015

Psychological Perception of Space and Time in the Historical Process

Konstantin V. Minyar-Beloruchev Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Received: May 15, 2014 / Accepted for publication: June 2, 2015

Данная статья посвящена психологическим аспектам и проблемам восприятия пространственного и временного измерений исторического процесса. Пространство и время существуют не изолированно друг от друга, а тесно взаимосвязаны: пространство обеспечивает физическую локализацию исторических процессов, которые, в свою очередь, протекают во времени и обладают четко определенными временными характеристиками. В исторической перспективе пространство отличается дуализмом: с одной стороны, физические характеристики пространства остаются неизменными в историческом масштабе, с другой – государственная принадлежность и статус конкретных территорий со временем изменяются. Территории различаются по своей ценностной характеристике: объектом межгосударственного соперничества являются наиболее «ценные» объекты физической среды: выход к морю, течение и устье судоходной реки, месторождения полезных ископаемых, промышленно-развитые районы, в то время как не обладающие подобными характеристиками территории могут не представлять интереса для игроков на международной арене. Историческое время не обязательно совпадает со временем хронологическим. Так, по мнению Эрика Хобсбаума, «длинный XIX век» продолжался с 1789 по 1914 гг., а «короткий XX век» – с 1914 по 1991 гг. Важным фактором является так называемое «психологическое время» – представление о характере отношений между прошедшими, настоящими и предстоящими событиями, а также категория восприятия времени и временных интервалов, в рамках которых происходят те или иные исторические события. Время задает хронологические рамки исторических процессов, при этом время одновременно определяется через цикличность и линейность. Развитие транспорта и средств связи приводит к тому, что при сохранении прежних линейных размеров пространства и скорости течения времени пространство «сжимается», а время «ускоряется»: перемещение физических объектов и передача информации требует все меньше времени. Начало этого процесса датируется XIX в. (транспортная революция и революция средств связи), для XX–XXI вв. характерно резкое возрастание данного процесса. Современные войны зачастую длятся не годы, а месяцы и дни, переговоры ведутся напрямую первыми лицами или под их прямым каждодневным контролем, при этом, в период кризисов время, выделенное на принятие решений, стремительно сокращается.

Ключевые слова: пространство и время, историческое время, восприятие, восприятие времени, восприятие пространства.

The paper is devoted to psychological aspects and psychological perception of spatial and temporal dimensions of the historical process. Space and time do not exist separately, they are closely interconnected: everything that happens in history has certain spatial and temporal position. From historical perspective spatial characteristics of a particular territory are twofold: territory's physical position remains unperturbed, while its political status and national affiliation are revised in the course of time. Territories vary in their value: the most valuable objects of physical environment such as sea-coasts, courses and estuaries of rivers, mineral deposits, industrial regions, etc. serve as objects of contention on the international arena, while areas that do not possess such characteristics can be of no interest to international actors. Historical time does not necessarily coincide with chronological time. For example, according to Eric Hobsbawm, the so-called long Nineteenth Century lasted from 1789 to 1914, while the short Twentieth Century lasted only from 1914 to 1991. Psychological time should also be taken into account – perception of relation between past, present, and future developments, as well as perception of chronological intervals within which certain historical developments take place. Time sets chronological framework for the historical process, it can be both cyclical and linear at the same time. Progress in transportation and communication leads to the situation where linear characteristics of space and time remain the same, while space compresses and time accelerates: movement of physical objects and information transfer take less and less time. Such process was ushered in during the Nineteenth Century (Transportation and Communication Revolutions) and it accelerated in the Twentieth and Twenty-First Centuries. Present wars can last only months and days, not years; negotiations are conducted directly by chief executives or under their close surveillance; time allotted for decision making during crises decreases dramatically.

Key words: time and space, historical time, psychological perception

История не существует вне времени и пространства. Пространство обеспечивает физическую локализацию исторических процессов, которые, в свою очередь, протекают во времени. При этом, если пространство характеризует протяженность и структурность материи, сосуществование и взаимодействие ее элементов, то время выражает длительность существова-

известному Старому свету, который Гегель относил к «арене всемирной истории», прибавился Новый свет. «Название Новый мир объясняется тем, что Америка и Австралия стали известны нам лишь впоследствии», писал Гегель в «Лекциях по философии истории» (Гегель, 1993, С. 127). Однако, продолжает немецкий философ, «эти части света новы не только относительно, но и вообще, по все-

в состав данной системы на правах периферии, в то время как не-западные цивилизации, с которыми европейцы вступали в контакт, остались за ее пределами. Начавшийся с Великих географических открытий процесс освоения пространства был завершен на рубеже XIX-XX вв., что ознаменовалось завершением колониального раздела мира между ведущими государствами эпохи.

Если пространство характеризует протяженность и структурность материи, сосуществование и взаимодействие ее элементов, то время выражает длительность существования материи, последовательность смены состояний в изменении и развитии всех материальных систем

ния материи, последовательность смены состояний в изменении и развитии всех материальных систем. Отличительными чертами пространства и времени являются незамкнутость (открытость), понимаемая как способность непрерывно переходить в пространственно-временные характеристики других систем, и наличие двух аспектов: внешнего (объединяющего пространственно-временные характеристики различных материальных систем) и внутреннего (в рамках которого пространство и время как категории, которыми оперирует историческая наука, могут существенно отличаться от аналогичных характеристик других материальных систем).

му их физическому и духовному характеру» (там же, С. 127). За расширением известного европейцам мира шло включение открываемых территорий в орбиту западной цивилизации (прямое или косвенное), что вывело на новый уровень процесс, который Арнольд Тойнби обозначил в качестве «всемирной вестернизации» (Тойнби, 2006, С. 162). Открытие европейцами новых земель означало расширение пространства европейской (западной) цивилизации – как за счет территорий, напрямую вошедших в сферу контроля европейских государств, так и за счет формирования контактной зоны с иными не-западными цивилизациями. При этом, освоение

В XIX в. берет начало еще один глобальный процесс, охвативший различные стороны жизни человеческого общества и продолжающийся до сих пор. В рамках этого процесса изменение пространственно-временных характеристик оказало существенное влияние на развитие человеческого общества. Речь идет о психологическом феномене так называемого «сжатия пространства» и «ускорения времени», основу которых заложили транспортная революция и революция средств связи. Общий итог изменений в указанных сферах заключается в том, что при сохранении прежних линейных размеров пространства и скорости течения времени перемещение физических объектов и передача информации требуют все меньше времени. В результате, с точки зрения психологического восприятия отдельных индивидов и социума в целом, пространство «сжимается», а время «ускоряется». Первую и наиболее яркую иллюстрацию данного процесса можно найти в романе Жюль Верна «Вокруг света за восемьдесят дней», написанном в 1872 г.

Открытие европейцами новых земель означало расширение пространства европейской (западной) цивилизации – как за счет территорий, напрямую вошедших в сферу контроля европейских государств, так и за счет формирования контактной зоны с иными не-западными цивилизациями

Кардинальные изменения в восприятии пространственно-временного фактора в рамках развития европейской (западной) цивилизации датируются эпохой Великих географических открытий, главным результатом которых стало расширение ойкумены (понимаемой как мир западной цивилизации). К уже

европейцами заморских территорий и столкновение интересов, к которым велось указанное освоение, означали формирование нового аспекта в отношениях между европейскими государствами – колониального. При создании первой системы международных отношений в 1648 г. европейские колонии вошли

Сложно переоценить значение изменений транспорта и средств связи для сферы взаимодействия государств на международной арене. Дипломаты получили возможность в режиме реального времени согласовывать свои позиции на переговорах с посланными их правительствами. Резко возросла скорость перемещения войск и их снабжения. Изменилась концепция безопасности: с развитием авиации Атлантический океан перестал восприниматься в качестве непреодолимого барьера, отделяющего Соединенные Штаты от европейских конфликтов, а появление межконтинентальных баллистических ракет сделало уязвимой для удара любую точку земного шара. Одновременно снижается продолжительность и повышается интенсивность военных конфликтов. Если в XVII-XVIII вв. войны

Константин Валерьевич Миньяр-Белоручев – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: conbel@mail.ru

продолжались годами и десятилетиями (что находило отражение в их названиях), то во второй половине XX в. и начале XXI в. в большинстве случаев речь идет о неделях или даже днях (Шестидневная война 1967 г., Пятидневная война 2008 г.). А при расчетах конфликта с использованием ядерного оружия на счету оказывается каждая минута. Столь же активно возрастает интенсивность международного дипломатического взаимодействия. Достаточно сказать, что личные встречи и переговоры глав государств из нетривиальных событий превращаются в обыденную практику, а в период кризисов время, выделенное на принятие решений, стремится к нулю.

Теоретическое осмысление роли пространственного фактора в развитии государств и обществ и их взаимодействия предлагается в различных геополитических и политико-географических концепциях и теориях. Представление о географическом факторе, как об основополагающем элементе международных отношений, лучше всего выразил американский геополитик и политолог Н. Спайкмен (Спикмэн) в 1942 г. в своей работе «Стратегия Америки в мировой политике»: «География является самым фундаментальным фактором во внешней политике государства, потому что этот фактор – самый постоянный. Министры приходят и уходят, умирают даже диктаторы, но цепи гор остаются непоколебимыми» (Срукман, 2007, С. 41).

Пространство, с точки зрения геополитики, выполняет следующие базовые функции:

- 1 место физического существования государства;
- 2 объект притязаний в отношениях между государствами;
- 3 среда взаимодействия между государствами (место ведения военных действий);
- 4 линии коммуникаций.

Двумя основными видами пространства, выделяемыми в геополитике, являются суша и море. Суша – пространство существования государства, место, где располагается его территория. Море – пространство коммуникаций, обеспечивающее связь между территориями, находящимися в разных концах Земного шара, при условии наличия выхода к мировому океану. Во второй половине XX-начале XXI вв. человечество актив-

но осваивает новые виды пространства – воздушное, околоземное космическое и информационное, которые, как и море, являются пространствами коммуникаций.

Территория – это базовая характеристика любого государства. Не существует государств без территории, равно как и территорий, не принадлежащих ни одному государству (за исключением Антарктиды, имеющей особый международный статус по договору 1959 г.). Немецкий юрист и правовед Г. Еллинек в своей работе «Общее учение о государстве» (1900) предложил три критерия, на основании которых можно судить о существовании государства: наличие определенной территории, постоянного населения и собственного правительства (Еллинек, 1908, С. 286-316). Конвенция Монтевидео (1933) добавила к ним способность вступать в отношения с другими государствами. Суша поделена между государствами без остатка и, таким образом, является фрагментированной и фрагментарной, что лучше всего подтверждает простой взгляд на политическую карту мира, как на лоскутное одеяло.

Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. устанавливает разделение морского пространства на зоны (внутренние воды, архипелажные воды, территориальные воды, прилегающая зона, эксклюзивная экономическая зона, континентальный шельф, открытое море) и определяет общие рамки режима использования указанных зон. Суверенитет над экономическими ресурсами (биомассой и недрами) закреплен международным правом за прибрежными государствами на достаточно большом удалении от берега (эксклюзивная экономическая зона, континентальный шельф). Море в качестве пространства коммуникаций, напротив, нераздельно – морская поверхность за пределом двенадцатимильной зоны (территориальные воды, рассматриваемые как часть государственной территории) в равной степени открыта для судоходства всех стран. В соответствии с нормами международного права проливы, используемые для международного судоходства, должны быть открыты для транзитного прохода, в том числе, для военных судов и летальных аппаратов. Специальные соглашения могут регулировать статус отдельных проливов (например, конвенция Монтре о режиме Черноморских

проливов, 1936). Нейтральный статус имеют важнейшие рукотворные каналы (Суэцкий, Панамский, Кильский).

При этом, формальное равенство в использовании поверхности моря сочетается с достаточно жесткой неформальной иерархией, определяющей контроль над мировыми водными пространствами. Ключевым элементом контроля является морская мощь. Согласно формуле, предложенной в конце XIX в. американским морским историком и одним из основателей американской школы геополитики А. Мэхэном, морская мощь складывается из трех компонентов: военно-морского флота, торгового флота и военно-морских баз (Мэхэн, 2002, С. 39-40). Значимость контроля над морем особенно явно проявлялась в периоды глобальных конфликтов и противостояний (Первая и Вторая мировые войны, «холодная война»), когда владение морем означало возможность мобилизации ресурсов всего остального мира для борьбы со своими противниками, а также организации блокады территории с моря и вдоль береговых линий, ведущей к стратегическому истощению врага («стратегия анаконды»).

С момента возникновения государств и даже протогосударственных образований территория являлась важнейшим объектом межгосударственных отношений. Борьба за контроль над территориями в форме экспансии или противодействия экспансии составляла ключевую часть международного процесса и являлась одной из основных причин вооруженных конфликтов. Территория, как отмечал основоположник геополитики и политической географии Ф. Ратцель в конце XIX в., является «мерилом политической силы и предметом вождений, на который направлены усилия государства». При этом Ратцель утверждал, что «территория государства не является четко определенным пространством, фиксированным на все времена» (Ratzel, 1986, С. 351), и что «форма и размеры государства зависят от его жителей, в движении которых, проявляющихся посредством роста или уменьшения территории, оно участвует» (там же, С. 360). Другой классик геополитики, шведский исследователь Р. Челлен в начале XX в. предлагал строить анализ геополитической мощи государства, исходя

из соответствия следующим трем критериям контроля над пространством: наличие обширных территориальных владений (расширение), сопряженность территориальных владений (территориальная монолитность) и господство в

сительную – уровень привлекательности одной и той же территории в один и тот же момент времени для разных государств может существенно различаться. Ценность территории определяют следующие факторы:

Освоение государством территорий осуществляется в форме экспансии, объектом которой может являться как международно-политическая, так и физико-географическая среда. В первом случае речь идет о присоединении, подчинении или охвате в какой-либо иной форме новых для государства территорий (внешняя экспансия). Второй – подразумевает хозяйственное освоение уже имеющихся территориальных массивов (внутренняя экспансия)

так называемом пространстве коммуникаций (свобода передвижения) (Holdar, 1992, С. 312).

Освоение государством территорий осуществляется в форме экспансии, объектом которой может являться как международно-политическая, так и физико-географическая среда. В первом случае речь идет о присоединении, подчинении или охвате в какой-либо иной форме новых для государства территорий (внешняя экспансия). Второй – подразумевает хозяйственное освоение уже имеющихся территориальных массивов (внутренняя экспансия). Оба уровня экспансии тесно связаны – недостаточно просто присоединить территории, их надо еще освоить: заселить, ввести в хозяйственный оборот, обеспечить транспортную связность. Малоосвоенные и малоосвоенные в хозяйственном плане территории, формально принадлежащие какому-либо государству, могут легко стать объектом притязания соседних стран (Миньяр-Белоручев, 2009, 2010).

Выступая в качестве объекта притязаний различных государств, территории существенно различаются по своей ценности и привлекательности. С одной стороны, находятся области, являющиеся ареной постоянного соперничества и с завидной регулярностью переходящие из рук в руки, с другой – районы, долгое время остающиеся вне сферы пристального международного интереса. Ценность конкретной территории зависит от множества факторов и может существенно изменяться во времени, в том числе, в силу изменения расстановки сил на международной арене и научно-технического прогресса. При этом, необходимо различать ценность абсолютную и отно-

1 особенности географического и геополитического положения – наибольшей привлекательностью традиционно обладают морские побережья и течения крупных рек (особенно их устья), острова и проливы, господствующие над линиями морских коммуникаций, районы, являющиеся перекрестками сухопутных линий коммуникаций (торговых и стратегических путей);

2 наличие ценных ресурсов – полезных ископаемых, биоресурсов, развитой промышленности, человеческих ресурсов;

3 этнический состав населения.

Данный список не является исчерпывающим. В качестве примеров достаточно вспомнить войны России за выход к морю, а также борьбу нашей страны за воссоединение с украинскими и белорусскими землями, франко-германское соперничество из-за Эльзаса и Лотарингии, американо-мексиканскую войну 1846-1848 гг. из-за Техаса и Калифорнии и неутраченные конфликты из-за нефтеносных районов в различных уголках нашей планеты.

Важнейшим направлением территориального взаимодействия государств со времени Великих географических открытий стало соперничество за освоение открываемых территорий: борьба за колониальный раздел и передел мира. Колониальный вопрос традиционно занимал одно из центральных мест в отношениях между государствами. Столкновения в колониях и соперничество из-за колоний могли служить и служили поводом и даже причиной крупных конфликтов.

Первая официальная разграничительная линия, обозначающая раздел

мира, была проведена в Атлантическом океане между Испанией и Португалией на расстоянии 370 лиг к западу от островов Зеленого мыса (Тордесильясский договор, 1494). Сарагосский договор (1529) установил аналогичную линию разграничения в Тихом океане, которая прошла на расстоянии 297,5 лиг к востоку от Молуккских островов, завершив раздел земного шара между иберийскими державами. Этот раздел был освещен Римом, а еще ранее Римские папы своими буллами зарезервировали определенные части земного шара за Португалией (1481) и Испанией (1493), вызвал недовольство других европейских держав, чьи интересы не были учтены. Так, французскому королю Франциску I приписывают следующие слова: «Солнце светит для меня также как и для всех остальных. Покажите мне то место в завещании Адама, которое лишало бы меня доли на владение миром» (Arciniegas, 2003, Р. 118). Лидирующие позиции, которые Испания и Португалия заняли в колониальной гонке, были связаны с тем, что в основе колониального раздела мира лежали принципы первооткрывания, исследования и освоения новых территорий. Однако очень скоро иберийским державам пришлось столкнуться с вызовом со стороны новых колониальных держав: Англии, Франции и Нидерландов – борьба за колониальный передел мира началась задолго до завершения его раздела, поскольку внимание разных держав привлекали одни и те же (наиболее ценные) территории.

Историческое время не обязательно совпадает со временем хронологическим. Хорошо известно, что Столетняя война длилась 116 лет (1337-1453). Широкое распространение получили введенные Э. Хобсбаумом понятия «долгий XIX век» и «короткий XX век». Первый из них продолжался с 1789 по 1914 гг. (и подразделялся на три части: «эпоху революций» 1789-1848, «эпоху капитала» 1848-1875, «эпоху империй», 1875-1914), а второй – ограничивался периодом с 1914 по 1991 гг. Существуют и альтернативные трактовки, согласно которым, «коротким» может оказаться XIX век (от Венского конгресса 1814/1815 г. до американо-испанской войны 1898 г.), а «долгим» – XX век, захватывающий вторую половину XIX столетия (Хобсба-

ум, 2004, С. 7; Остерхаммель, 2001, С. 23; Арриги, 2006, С. 33). Важным фактором является так называемое психологическое время – представление о характере отношений между прошедшими, настоящими и предстоящими событиями, а также категория восприятия времени и временных интервалов, в рамках которых происходят те или иные исторические события (Головаха, 1984, С. 4-5).

Время задает хронологические рамки исторического процесса, одновременно определяясь через цикличность и линейность. Цикличность проявляется в сезонном характере ведения военных кампаний, циклический характер имеют международные экономические процессы, смена и развитие государственно-политических систем и систем международных отношений. Линейность – это движение вперед, развитие от простого к сложному, которое проявляется в научно-техническом прогрессе, совершенствовании и развитии социальных, политических, международных систем, развитии мировой экономики.

Актуальность теоретического осмысления временного измерения исторических процессов явилась предпосылкой разработки концепций хронополитики. «Изучение длинных циклов – это изучение ритма глобальной политики. Прежде всего, оно имеет отношение к временному измерению политического процесса и степени, в которой этот процесс изменяется во времени. Так как оно сосредоточено на времени, это изучение принадлежит полю, которое может быть названо “хронополитикой”, но, поскольку в первую очередь оно имеет дело с крупномасштабными системами, полным названием может быть “хрономакрополитика” (изучение ритмов крупномасштабных политических систем)». Это утверждает американский политолог Д. Модельски, который в середине 1980-х гг. дал научное обоснование данному концепту. «Систематическое изучение временной привязки основных поворотных точек в истории глобальной политики имеет особую значимость для исследований по международным отношениям, – продолжает он, – поскольку ключевые международные процессы, такие как война и мир, мировое лидерство, союзы, институциональные изменения и глобализация по своей природе имеют большую длительность и их изучение требует тщательной

локализации в пространстве и времени» (Modelski, 1987, P. 1-2).

Эволюцию временного измерения исторических процессов можно проиллюстрировать через смену систем международных отношений. Несмотря на

Время задает хронологические рамки исторического процесса, одновременно определяясь через цикличность и линейность. Цикличность проявляется в сезонном характере ведения военных кампаний, циклический характер имеют международные экономические процессы, смена и развитие государственно-политических систем и систем международных отношений. Линейность – это движение вперед, развитие от простого к сложному, которое проявляется в научно-техническом прогрессе, совершенствовании и развитии социальных, политических, международных систем, развитии мировой экономики

то, что системы могут иметь различную продолжительность: самая длинная просуществовала более ста сорока лет (Вестфальская система), а самая короткая (Версальско-Вашингтонская система) – менее двух десятилетий, все они развиваются по единой схеме, проходя через стадии становления, консолидации, стабильного развития, кризиса и распада (Основы общей теории..., 2009, С. 60-78).

Большую роль в развитии человеческого общества играют экономические, военные и дипломатические факторы. В связи с этим вполне естественным представляется стремление выделить долговременные экономические, военные и дипломатические тренды и сгруппировать их в циклы. Очевидная сложность заключается в том, что в рамках данного подхода одной и той же событийной канве могут быть приписаны разные организующие ее сюжеты, в результате чего выделяемые различными авторами циклы (даже на основании сходных критериев) могут существенно различаться.

Наибольшую известность имеет концепция больших экономических циклов, разрабатывать которую впервые начал российский экономист Н.Д. Кондратьев в начале XX в., а продолжили исследователи по всему миру. На основе анализа долговременных изменений экономической конъюнктуры с конца XVIII в. Кондратьев выделил экономические циклы продолжительностью 48-55 лет, каждый из которых включает две последовательные волны: повышательную и понижательную. Первый большой цикл Кондратьева охватывал период с к. 1780-н.1790-хх гг. до 1844-1851 гг.

Второй большой цикл продолжался с 1844-1851 гг. по 1890-1896 гг. Третий – охватывал период с 1890-1896 гг. до 1941-1945 гг. И, наконец, повышательная волна четвертого большого цикла продолжалась с 1941-1945 гг. до 1966-1974

гг., после чего ей на смену пришла новая понижательная волна, ориентировочно продолжавшаяся до середины 1980-х гг. (Коротаев, 2010, С. 189-224). Дискуссии о периодизации больших циклов и составляющих их волн во второй половине XX – начале XXI вв. продолжаются.

Американский политолог К. Райт в работе «Исследование войны» (1942) выделил четыре периода в развитии военных технологий:

- 1 период первичного усвоения огнестрельного оружия и религиозных войн – 1450-1648;
- 2 период профессиональных армий и династических войн – 1648-1789;
- 3 период войн индустриализации и национализма – 1789-1914;
- 4 период господства авиации и тотальных войн – с 1914 г.

Кроме того, Райт обратил внимание на то, что с регулярностью в пятьдесят-шестьдесят лет происходит всплеск военных конфликтов, перемежающихся периодами относительного затишья. Пиковые точки, по мнению Райта, приходятся на следующие конфликты: война за испанское наследство (1701-1714); Семилетняя война (1756-1763); наполеоновские войны (1795-1815); цикл военных конфликтов 1853-1871 гг. (от Крымской войны до франко-прусской); Первая и Вторая мировые войны (1914-1945). Райт также отмечал, что каждые сто-сто двадцать лет наблюдаются всплески повышенной интенсивности (война за испанское наследство, наполеоновские войны, две мировые войны), а общая тенденция заключается в повышении интенсивности конфликтов во времени (Wright, 1942, С. 293-294).

А. Тойнби в девятом томе «Постижения истории» (1954) выделил циклы так называемых «великих войн», каждая из которых охватывает период в 100-120 лет. Каждый цикл состоит из пяти этапов:

- 1 прелюдия войны;
- 2 великая война как таковая;
- 3 время передышки;
- 4 дополнительные войны (эпилог);
- 5 всеобщий мир.

Первый этап не является обязательным и, как правило, накладывается на заключительный этап предшествующего цикла. В соответствии с предложенной классификацией Тойнби обозначил следующие циклы:

- «увертюра» или неполный цикл (1494-1568);
- первый регулярный цикл (1568-1672);
- второй регулярный цикл (1672-1792);
- третий регулярный цикл (1792-1914);
- четвертый цикл (с 1914 г.).

При этом у Тойнби период между 1848 и 1871 г. рассматривается как эпилог наполеоновских войн, а Вторая мировая война – как эпилог Первой мировой (Toynbee, 1954, С. 255, 326).

Значительное количество хронополитических концепций, получивших широкое распространение на рубеже 1970-1980-х гг., выстраиваются вокруг циклов лидерства, состоящих из периода глобальной войны и следующего за ним периода господства победившей в этом конфликте державы. Д. Модельски выделяет пять периодов глобальных войн, открывавших эру господства победителя:

- 1 1494-1516 – Португалия;
- 2 1580-1609 – Нидерланды;
- 3 1688-1713 – Великобритания (первая гегемония);
- 4 1792-1815 – Великобритания (вторая гегемония);
- 5 1914-1945 – США.

Цикл лидерства у Модельски состоит из четырех фаз: глобальная война; собственно гегемония; потеря легитимности; потеря лидерства (Flint, 2006, С. 37). Несколько иную схему предлагает американский социолог И. Валлерстайн (1983) – один из основателей миросистемного подхода. Он выделяет три глобальных конфликта: Тридцатилетняя война – 1618-1848; французские революционные и наполеоновские войны – 1792-1815; Первая и Вторая мировые

войны – 1914-1945. За ними следовали эпохи гегемонии держав, сумевших за время этих конфликтов установить свое лидерство: Нидерланды – 1625-1672; Великобритания – 1815-1873; США – 1945-1967. (Wallerstein, 1984, С. 41-42).

Американский политолог Д. Голдстейн в конце 1980-х гг. предложил следующую хронополитическую схему крупных политико-экономических эпох, продолжительностью от 130 до 180 лет. Каждая эпоха завершается глобальным конфликтом, длительностью от двух до трех десятилетий, обозначающим коренную перестройку существующей международной политической и экономической систем. Решающую роль в формировании новой системы играет государство, вышедшее из глобального конфликта с наименьшими потерями и укрепившее свое экономическое положение (в том числе, за счет своих союзников). Схема Голдстейна выглядит следующим образом (в скобках указаны годы глобального конфликта, завершающего каждую эпоху): первая эпоха – 1495-1648 (1618-1648); вторая эпоха – 1648-1815 (1893-1815); третья эпоха – 1815-1945 (1914-1945); четвертая эпоха – с 1945 г. (Goldstein, 1988, С. 242).

Стоит остановиться на концепциях циклического чередования фаз во внешней политике отдельных государств. Наиболее изученными в данном плане являются Соединенные Штаты и Великобритания. В начале 1950-х гг. Ф. Клинберг выделил чередование интровертной и экстравертной фаз во внешней политике США (продолжительностью в двадцать-тридцать лет). Первая из них характеризуется замкнутой, осторожной внешней политикой, ориентированной, в первую очередь, на сохранении достигнутого, в то время как отличительными чертами второй выступают активная внешнеполитическая позиция, готовность осуществлять силовое давление на внешнеполитических контрагентов. Интровертная фаза, по мнению Клинберга, приходилась на следующие периоды: 1789-1797, 1824-1843, 1871-1890, 1919-1940 гг. В то время как экстравертная фаза реализовывалась в 1798-1823, 1844-1870, 1891-1918, 1941-1950 гг. (Klingberg, 1952, С. 239-240, 254).

В начале 1970-х годов Д. Наменвирт предложил четырехчастную схему периодов внешней политики государства, выделив следующие сменяющиеся друг друга

фазы: «местническая» (иначе фаза замкнутости), прогрессивная, космополитическая, консервативная (Namenwirth, 1973, С. 681-683). Разработку данной проблематики он продолжил совместно с Р. Уэбером. При этом консервативная фаза и фаза замкнутости у Наменвирта и Уэбера соответствуют экстравертной фазе Клинберга, а прогрессивная и космополитическая – интровертной фазе. Схожую идею чередования либеральных и консервативных периодов в политической истории США выдвинул в середине 1980-х гг. американский историк А. Шлезингер (Шлезингер, 1992, С. 41-76).

Представители французской школы «Анналов» выдвинули тезис, что скорость протекания истории определяется скоростью информационного обмена. С этим утверждением трудно не согласиться, однако не меньшую значимость имеет скорость перемещение физических объектов: людей и товаров. Временной фактор играет ключевую роль в процессе обеспечения коммуникационной связи – размеры эффективного существования как отдельного государства, так и более крупных образований: военно-политических блоков, экономических союзов и объединений, систем международных отношений напрямую зависит от скорости перемещения людей, товаров и информации.

Существует множество случаев, когда пространственный фактор опосредован фактором времени – значение имеет не линейное расстояние как таковое, а то время, которое требуется для его преодоления или для обмена информацией. Из этого вытекает возможность (а подчас даже необходимость) измерения расстояния через временные издержки, требующиеся для его преодоления. Однако столь же верным является обратная сторона уравнения – физическое освоение пространства (строительство железных и автомобильных дорог, аэродромной сети, прокладка телеграфных, телефонных и оптоволоконных линий) оптимизирует временные издержки. При этом значительную ценность будет иметь как статическое, так и динамическое сравнение указанных издержек. Так, физически более близкая территория, обладающая отрицательной транспортной и информационной связностью, оказывается гораздо более «удаленной», нежели физически более далекая точка, с которой налажены соответствующие каналы

коммуникаций. Использование естественных водных артерий делало далекие территории «близкими» по сравнению с континентально-сопряженными массивами (особенно до начала массового строительства каналов и железнодорожного строительства). Изменение указанных издержек во времени связано с уже упоминавшимися транспортной революцией и революцией средств связи.

Как правило, наиболее устойчивые каналы коммуникаций устанавливались между столицами иностранных государств, которые оказывались в гораздо большей доступности (транспортной и инфор-

мационной), чем отдельные части своей собственной страны. Скорость информационных и транспортных потоков имеет большее значение для удаленных районов, расположенных ближе к центру другого государства, нежели к своему, и потенциально (а зачастую и реально) попадающих в зону иностранного притяжения. Ответ на данный пространственный вызов может быть дан только за счет развития коммуникационной связи с подобными территориями. Для России с ее необъятными пространствами данный вопрос всегда был особенно актуален, особенно – для российского Дальнего Востока.

Выводы.

Изучение прошлого невозможно без его привязки к пространственным и временным факторам и категориям. При этом значение имеют не только внешние (линейное пространство и хронологическое время), но и внутренние (темпоральный аспект восприятия пространства и психологическое время) характеристики пространства и времени. Наиболее ярко это проявляется через так называемое «сжатие пространства» и «ускорение времени», основу которых заложили транспортная революция и революция средств связи.

Список литературы:

- Арриги Д. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени / Д. Арриги. – Москва : Территория будущего, 2006. – 472 с.
- Гегель Г. Лекции по философии истории / Г. Гегель. – Санкт-Петербург : Наука, 1993. – 480 с.
- Головаха Е.И. Психологическое время личности / Е.И. Головаха, А.А. Кроник. – Киев: Наукова думка, 1984. – 209 с.
- Еллинек Г. Общее учение о государстве / Г. Еллинек. – Санкт-Петербург : Изд. юрид. кн. магазина Н.К. Мартынова, 1908. – 626 с.
- Коротаев А.В. Кондратьевские волны в мировой экономической динамике / А.В. Коротаев, С.В. Ципель // Системный мониторинг. Глобальное и региональное развитие. – Москва : Либроком/URSS, 2010. – С. 189-229.
- Миньяр-Белоручев К.В. Власть пространства и власть над пространством: территориальный рост США и России в XIX в. / К.В. Миньяр-Белоручев // Власть. Общественно-политический журнал. – 2010. – № 5. – С. 121-125.
- Миньяр-Белоручев К.В. Методологические основы изучения феномена экспансии (на материале экспансии США XIX в.) / К.В. Миньяр-Белоручев // Вестник Томского государственного университета. – 2011 – № 346. – С. 77-82.
- Миньяр-Белоручев К.В. Территориальная экспансия и развитие США в XIX в. / К.В. Миньяр-Белоручев // Вестник Челябинского государственного университета. Научный журнал. – 2009. – № 41. История (Вып. 38). – С. 123-133.
- Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на историю 1660-1783 / А.Т. Мэхэн. – Санкт-Петербург : Terra Fantastica, 2002. – 634 с.
- Основы общей теории международных отношений. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2009. – 592 с.
- Остерхаммель Ю. Трансформация мира: история XIX века. Главы из книги / Ю. Остерхаммель // Ab Imperio. – 2011. – № 3. – С. 21-139.
- Тойнби А. Постигание истории / А. Тойнби. – Москва : Айрис-Пресс, 2006. – 640 с.
- Хобсбаум Э. Эпоха крайностей : короткий двадцатый век (1914–1991) / Э. Хобсбаум. – Москва : Независимая Газета, 2004. – 632 с.
- Шлезингер А. Циклы американской истории / А. Шлезингер. – Москва : Прогресс ; Прогресс-Академия, 1992. – 688 с.
- Arciniegas G. Caribbean, Sea of the New World. Princeton. – NJ: Markus Wiener Publishers, Inc., 2003. – 520 p.
- Flint C. Introduction to Geopolitics. – New York: Routledge, 2006. – 237 p.
- Goldstein J.S. Long Cycles: Prosperity and War in the Modern Age. – New Haven, Conn. Yale University Press, 1988. – 433 p.
- Holdar S. The Ideal State and the Power of Geography. The Life-Work of Rudolf Kjellen // Political Geography. – 1992. – Vol. 11. – No. 3. – P. 307-323.
- Klingberg F.L. The Historical Alternation of Moods in American Foreign Policy // World Politics. – 1952. – Vol. Iss. 2. – P. 239-273.
- Modelski G. The Study of Long Cycles // Exploring Long Cycles. Boulder, Co.: L. Rienner Publishers, 1987. – P. 1-15.
- Namenwirth J.Z. Wheels of Time and the Interdependence of Value Change in America // Journal of Interdisciplinary History. – 1973. – Vol. 3. – No. 4. Spring. – P. 649-683.
- Ratzel F. The Territorial Growth of States // Scottish Geographical Magazine. – 1896. – Vol. XII. – No. 7. – P. 351-361.
- Spykman N.J. America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power. – New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 2007. – 500 p.
- Toynbee A.J. A Study of History. Vol. 9. – London: Oxford University Press, 1954. – 759 p.
- Wallerstein I. The Politics of the World-Economy: The States, the Movements and the Civilizations. – New York: Cambridge University Press, 1984. – 191 p.
- Wright Q. A Study of War. Vol. 1-2. – Chicago: University of Chicago Press, 1942. – Vol. 1. – 678 p.

References:

- Arciniegas, G. (2003) Caribbean, Sea of the New World. Princeton, NJ: Markus Wiener Publishers, Inc., 520.
- Arrighi, G. (2006) Dolgiy dvadtsatyy vek. Den'gi, vlast' i istoki nashogo vremeni [The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times]. Moscow, Izdatel'skiy dom "Territoriya budushchego". 472.
- Ellinek, G. (1908) Obshchee uchenie o gosudarstve [General Theory of State]. SPb., Izdanie yuridicheskogo knizhnogo magazina N. K. Martynova, 626.
- Flint, C. (2006) Introduction to Geopolitics. New York: Routledge, 237.

- Goldstein, J.S. (1988) *Long Cycles: Prosperity and War in the Modern Age*. New Haven, Conn. Yale University Press, 433.
- Golovakha, E.I., & Kronik A.A. (1984) *Psikhologicheskoe vremya lichnosti* [The Psychological Time of Personality]. Kiev, Naukova dumka, 209.
- Hegel, G.W.F. (1993) *Lektsii po filosofii istorii* [Lectures on the Philosophy of World History]. SPb., Nauka, 480.
- Hobsbawm, E. (2004) *Epokha krainostey: Korotkiy dvadtsatyy vek (1914–1991)* [The Age of Extremes. The Short Twentieth Century 1914–1991]. Moscow, Izdatel'stvo Nezavisimaya Gazeta, 632.
- Holdar, S. (1992) The Ideal State and the Power of Geography. *The Life-Work of Rudolf Kjellen. Political Geography*. Vol. 11. No. 3. May, 307–323.
- Klingberg, F.L. (1952) The Historical Alternation of Moods in American Foreign Policy. *World Politics*. Vol. Iss. 2. January. 239–273.
- Korotaev, A.V., & Tsirel', S.V. (2010) Kondrat'evskie volny v mirovoy ekonomicheskoy dinamike. Sistemnyy monitoring. *Global'noe i regional'noe razvitiye* [Kondratieff's Waves in Global Economic Dynamics // System monitoring. Global and regional development]. Moscow, Librokom/URSS, 189–229.
- Mahan, A.T. (2002) *Vliyanie morskoy sily na istoriyu 1660–1783* [The Influence of Sea Power Upon History, 1660–1783.]. SPb., Terra Fantastica, 634.
- Minyar-Beloruhev, K.V. (2011) Metodologicheskie osnovy izucheniya fenomena ekspansii (na materiale ekspansii SShA XIX v.). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Methodological Background for Studying the Phenomenon of Expansion (Based on U.S. 19th Century Expansion). Herald of Tomsk State University]. May 2011 (№ 346), 77–82.
- Minyar-Beloruhev, K.V. (2009) Territorial'naya ekspansiya i razvitiye SShA v XIX v. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Territorial Expansion and U.S. Development in the Nineteenth Century. Herald of Chelyabinsk State University]. 41. Istoriya [History] (Iss. 38), 123–133.
- Minyar-Beloruhev, K.V. (2010) *Vlast' prostranstva i vlast' nad prostranstvom: territorial'nyy rost SShA i Rossii v XIX v. Vlast' [The Power of Territory and Domination over Territory: U.S. and Russian Territorial Growth in the Nineteenth Century. "Vlast' (Power)"]*. 5. May, 121–125.
- Modelski, G. (1987) *The Study of Long Cycles. Exploring Long Cycles*. Boulder, Co.: L. Rienner Publishers, 1–15.
- Namenwirth, J.Z. (1973) *Wheels of Time and the Interdependence of Value Change in America*. *Journal of Interdisciplinary History*. Vol. 3. No. 4. Spring, 649–683.
- (2009) *Osnovy obshchey teorii mezhdunarodnykh otnosheniy* [Foundations of the General Theory of International Relations]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 592.
- Osterhammel, J. (2011) *Transformatsiya mira: istoriya XIX veka* [The Transformation of the World: A Global History of the Nineteenth Century]. Glavy iz knigi. *Ab Imperio*. 3, 21–139.
- Ratzel, F. *The Territorial Growth of States*. *Scottish Geographical Magazine*. Vol. XII, No. 7 (July, 1896), 351–361.
- Schlesinger, A. (1992) *Tsikly amerikanskoj istorii* [The Cycles of American History]. Moscow, Izdatel'skaya gruppa "Progress", "Progress-Akademiya", 688.
- Spykman, N.J. (2007) *America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power*. New Brunswick, NJ, Transaction Publishers, 500.
- Toynbee, A.J. (1954) *A Study of History*. Vol. 9. London, Oxford University Press, 759.
- Toynbee, A.J. (2006) *Postizheniye istorii* [A Study of History]. Moscow, Ayris-Press, 640.
- Wallerstein, I. (1984) *The Politics of the World-Economy: The States, the Movements and the Civilizations*. New York, Cambridge University Press, 191.
- Wright, Q. (1942) *A Study of War*. Vol. 1–2. Chicago: University of Chicago Press, Vol. 1. 678.